

ПЕТАР БОЯНИЧ*

ТЕ МЕСТА, ОТКУДА Я САМ РОДОМ.
РОДИНА, И Я?

Вопрос о том, что литература может дать философии, и как она влияет на последнюю (или более трудный вопрос: что дают философы литераторам или тем, кто пишет о литературе?), выявляет асимметрию между литературой и философией, которая сложилась за последние сто лет. На первый взгляд за этот период литература осталась такой же, какой она была всегда — одинаковой и узнаваемой на всех языках и во всех культурах вне зависимости от их различий, в то время как философия раскололась на аналитическую (всегда находящуюся в симбиозе с наукой) и так называемую континентальную философию. Актуально ли и сейчас это положение вещей? Точнее, или говоря парадоксально: в той мере, в какой философия является скорее единой, настолько же и литературный жанр инкорпорирован в философию как таковую, или в «чистую философию» (Гуссерль). Конечно, если мы сегодня говорим о «чистой» философии, то имеем в виду, в отличие от Гуссерля, философию, осуществляющуюся в языке, а именно в письменном языке.

Вероятно, всегда имеется еще и нечто такое, как «*a Continental — Analytic divide in Philosophy*», но вообще это больше не имеет значения и, следовательно, не существует также необходимости преодолевать этот раскол. Хотя на полках библиотек в Нью-Йорке и Лондоне невозможно найти книг, которые касались бы двух философий, или двух названий «*Continental*» и «*Analytic*», «первая» представляет собой, собственно говоря, введение или

* Боянич Петар, профессор, директор Института философии и социальной теории, Белградский университет.

Перевод с немецкого Григория Гимельштейна.

преамбулу для «второй». Если мы оставим в стороне некоторые радикальные и тривиальные предложения о ликвидации «исторических и нарративных моментов в философии», или о вычеркивании англосаксонской философии из (скорее воображаемой) «европейской философии», то на сегодняшний день в качестве так называемых «континентальных» философов действуют в большинстве случаев люди в пожилом или весьма почтенном возрасте и, как правило, вне стен университета. Эти философы никогда не приглашаются, или приглашаются очень редко на философские отделения университетов Америки или Европы, они печатаются в журналах, а их верная свита в большинстве случаев не может найти работу на этих отделениях или в институтах философии. Молодой философ знает сегодня не только то, что он не сможет получить работу, если он является специалистом по Делезу или Хайдеггеру, но прекрасно понимает, что его задачей является поиск и разрешение проблем общества, и что философия есть дело общественное и коммуникативное. Анализ и сравнение текстов не дает преимущества. Молодой философ, владеющий английским языком, если и не как родным, то определенно как вторым или третьим, стремится к изучению англоязычной философии. И, таким образом, он знаком с ней лучше, чем с другими.

Я вспоминаю, что Гален Стросон, часто рассказывая о пребывании в Париже в 1978 году непосредственно перед своей аспирантурой в Оксфорде вместе с Дерекком Парфитом, говорил следующее: «Я слушал Деррида в качестве вольнослушателя (*auditeur libre*) и, имея французскую государственную стипендию, я присоединился к его “Исследовательской группе по преподаванию философии” (*Groupe de Recherche pour l’Enseignement de la Philosophie*) и к его семинарам вместе со студентами Йельского университета, находившимися в Париже, отчаянно пытаюсь понять, о чем он говорил». Спустя более 20 лет после пребывания Галена Стросона в Париже, я оказался там же для написания докторской диссертации, также имея государственную стипендию, и я не увидел прежнего Деррида (этот «более поздний» Деррида был намного более ясным и кратким), и меня уже не интересовало, что он делает в философии или на ее границах. Я хотел применить его «метод, который не является методом», хотя этот «метод» является, собственно говоря, частью любого метода, и я считаю *a priori* Деррида ответственным за то, что он, например, не вступил в диалог с Патнэмом и не преодолел аналитически-континентальный раскол. Несмотря на то, что Деррида

провел 1957 год в качестве так называемого *special auditor* и носителя ежегодного «Augustus Clifford Tower Fellowship»¹, у меня есть ощущение, что его сопротивление и его дистанцирование по отношению к философии как таковой (не только исключительно по отношению к аналитической философии) определялось все же прежде всего его любовью к литературе. Это сопротивление у него со временем постепенно ослабло, и теперь кажется, что оно у нас вообще больше не присутствует.

Об этой фразе Целана из «Меридиана»: «Те места, откуда я сам родом», которую можно прочесть в заглавии, было написано много. Но я вставил в качестве подзаголовка и вопрос Целана, который мог бы многих из нас сразу же привести в беспокойство: «Родина, и я?»². Любой разговор об этом или любое упоминание о происхождении, о «присутствии-дома», «у-себя-присутствии», «присутствии-в-родном-доме», любое упоминание о родной стране и родине вызывает и с неизбежностью заставляет повторять этот вопрос, наш собственный вопрос о нас самих: «Родина, и я?». Акцент, правда, сделан на запятой, и на паузе после слова «родина». Вопрос или наррация (обычно все начинается с наррации) о родине сразу же влечет за собой вопрос о «я», о свидетельстве о рождении или паспорте, о воспоминаниях и о времени, об отдаленном населенном пункте и т. д. Слово «идентичность» (сложное и тяжелое, часто ненужное и тривиальное слово или указатель), в котором обычно все эти операции приводятся в соответствие, и которое начинается с местоимения «я» или с вопроса «я?», включает два дополнительных важных протокола, на которых настаивает Пауль Целан³. Первый протокол относится к чувствам, и часто речь идет о неуверенности, неуютности или смущении (я бываю смущен, если меня кто-нибудь спрашивает, дома ли я, и где я дома, хотя я сам себе постоянно задаю этот вопрос). А ответ Целана гласит: «Я не был дома, даже когда я был на родине (дома)». Второй протокол относится к возвращению, прибытию обратно, пути, скитаниям, причем таким образом, как мы возвращаемся, и как мы вообще прибываем домой из путешествия. Возвращение⁴ может часто (по крайней мере, в сербском языке) быть связано с чувством головокружения, тошноты и рвоты. Сербские слова «враћање» и «ро-враћање» прекрасно описывают необходимость очень бережного и осторожного возвращения на родину (часто окольными путями) или к своей идентичности. Мне кажется абсолютно ясным ответ Целана об одновременном прибытии и возвращении:

«Страна, откуда я добирался к вам — какими окольными путями! существуют ли вообще окольные пути? — большинству здесь, по-видимому, незнакома. Эта страна — родина немалой части тех хасидских преданий, которые для всех нас по-немецки пересказал Мартин Бубер. <...> это был ландшафт, где жили люди и книги»⁵.

Через два года, в речи, где во многих местах тематизируются путь, «дорога в крапиве», путешествие или исследование топоса, Целан добавил к этим словам, сказанным в Бремене, следующее:

«Стало быть, когда мы думаем о стихах, мы идем вместе с ними по таким дорогам? Неужели эти пути лишь окольные, пути во-круг от тебя к тебе? Но они же, среди стольких иных путей, одновременно и те пути, на которых язык обретаёт голос, пути-встречи, ведущие голос к воспринимающему “Ты”, пути всего земного и брэнного. Быть может, они — наброски бытия или посылание себя вперед, к себе самому, на поиски себя... В каком-то смысле это — возвращение на родину, домой <...> Я пытаюсь также, раз уж я снова очутился в начале, отыскать те места, откуда я сам родом»⁶.

По всей вероятности, следовало бы очень осторожно реконструировать оба эти протокола, которые предлагает нам Целан в качестве бесконечно плохого и требующего напряженных усилий ответа на вопрос «Родина или я?». И, вероятно, эта реконструкция была бы успешна лишь в той мере, в какой каждый из нас ответил бы для себя на этот касающийся всех вопрос, и не последовал бы слепо ни различным ассоциациям и обсессиям Целана о доме и о возвращении на родину, ни связал бы слишком быстро его ответ с некоторыми другими ответами из истории скитаний и смятений⁷. Ответ Целана прежде всего состоит в (неосознанном и, во всяком случае, интуитивном) сопротивлении ностальгии и, соответственно, Хайдеггеру и его пониманию пути и обходного пути (Umweg).

Что же тогда есть ностальгия? Иоганнес Хофер описывает в параграфе 4 своей диссертации «Ностальгия или тоска по дому», которую он защищал 22 июня 1688 года на медицинском факультете университета Базеля, серьезную травму и агонию девушки, крестьянки из окрестностей Базеля. После падения с большой высоты она несколько дней неподвижно лежала в некоей импровизированной больнице без сознания, а затем благодаря лечению

и лекарствам пришла в себя. После того, как она очнулась и увидела незнакомых женщин, ухаживавших за ней, ее вдруг охватила ностальгия (*Nostalgia statim correpta*), — так пишет Хофер, — она стала отказываться от любой пищи, а на все вопросы давала один и тот же ответ: «Я хочу домой, я хочу домой». И после того, как ее родители в конце концов согласились на то, чтобы она, несмотря на свою слабость, вернулась домой (*Tandem ergo a parentibus licet maxime imbecillis domum est delata*)⁸, ее состояние, без всякого приема лекарств, неожиданно улучшилось. Этот случай, и случай, упомянутый в том же самом параграфе, касающийся молодого студента из богатой семьи, который прибыл в Базель для обучения в университете и тяжело заболел (его состояние быстро улучшится после того, как ему настоятельно порекомендуют срочно отправиться домой), дали основания Хоферу для доказательства существования совершенно новой и необыкновенной болезни, и для объяснения того факта, отчего швейцарские солдаты в массовом порядке заразились этой странной болезнью.

Во-первых, для Целана нет дома, в котором мы можем быть дома (при переводе Эмилии Дикинсон он находит у нее устраивающую его формулировку «*homeless at home*»), потому что, прежде всего, не было дома, или же он был навсегда покинут.

«Я не был дома, даже когда я был на родине (дома)».

Даже тогда, когда кажется, что я у себя, в своем Собственном, я не у себя и не в (своем) Собственном. Это голое «Я» не у себя, и оно никогда не будет ощущать себя в пространстве, которое могло бы ему показаться как потенциально свое, давно знакомое. Здесь, правда, речь не идет ни о скрытой ностальгии, ни о возможности «везде быть дома»⁹, также Целан не изобретает себе некий аутентичный язык родины (он говорит о поэзии, которая должна помогать ориентироваться в жизни, а не о языке; поэзия предполагает перевод и переступает границы языка и языкового многообразия¹⁰). Это означает, что у Целана нет и следа от идеи Гумбольдта о неразрывности языка и родины. Мне кажется, что знаменитая фраза Гумбольдта из его письма к Шарлотте: «Истинная родина есть, собственно говоря, язык»¹¹ со всеми ее версиями и повторениями от Ханны Арендт до Деррида и Гадамера имеет свое естественное продолжение в речи Хайдеггера, которую он произнес по случаю 700-летнего юбилея своего родного города Мескирха: «Наш язык называет тягу к родине ностальгией»¹².

Во втором фиктивном протоколе, предложенном Паулем Целаном, мы вновь встречаем в качестве ответа на вопрос о позиции «Я» по отношению к «Родине» («Родина, и я?») коллизию между «прибывать откуда-то» и «возвращаться». Эти две одновременно проведенные операции создают такую ситуацию, что никогда не представляется возможным идти, пользуясь «прямой дорогой», и что «Я» постоянно находится внутри регистра «обходного пути». Если во фрагментах речей Целана в Бремене и Дармштадте мы оставим в стороне то, что всегда было наиболее интересным для него и его читателей — а именно, его идею ландшафта, или родины, где вместе жили люди и книги, и идею о том, что как раз благодаря «стихам» «отправляются» назад, в этот магический ландшафт, где люди и книги вместе образуют это самое «Мы», то тогда нам представится двойная перспектива, собственно, с необходимостью отрицающая это «Я» по причине беспрестанных (возможно, мнимых) блужданий по разным окольным путям. Как будто бы «Я» Целана (и, естественно, не только его) вообще не могло бы двигаться¹³.

Во фрагменте, который Целан читал в Бремене, он сообщает нам о том, что он прибыл откуда-то, что эта страна нам неизвестна и что он прибыл «какими окольными путями!». Вопрос, который остается, звучит так: «Существуют ли вообще окольные пути?»¹⁴. В Дармштадском фрагменте направление и перспектива абсолютно противоположны. Под вопросом находится «способ возвращения домой». Как представляется, возвращение совершается благодаря стихам, но все-таки окольными путями. И здесь также Целан ставит похожий вопрос: «Неужели эти пути лишь окольные, пути вокруг, от тебя к тебе?»¹⁵. Еще раз, если мы дистанцируемся от главного положения Целана, сформулированного в конце 1953 или в начале 1954 года во фрагменте об антибиографии, гласящего, что родина поэта есть, собственно говоря, само стихотворение, — стихотворение, всегда связывающее Я и Ты¹⁶, — то у Целана остаются неизменными только его неуверенность и сомнение в существовании этих окольных путей.

И хотя его дармштадтская речь, которая беспрестанно колеблется между поисками и находками, заканчивается «нахождением меридиана», кажется, что главное усилие Целана направлено на сохранение этого вопроса или этого вопрошания о путях, на которых медлят, на которых всегда опаздывают, и по которым никогда не приходят к цели. В нижеприведенной фразе, в том месте, где, собственно, уже достигнута страна «откуда родом...», где все уже

найдено и пребывает на ему присущем месте, остается все-таки пространство для дальнейшего вопрошания и поиска:

«Я пытаюсь также, раз уж я снова очутился в начале, отыскать те места, откуда я сам родом»¹⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вместе с Роджером Мартином Деррида перевел на английский язык рукопись У. В. О. Куайна «Les frontières de la théorie logique», *Les études philosophiques*, n. 2, April-Juni 1964, 191–208. Этому переводу предшествовал текст Томаса Нагели (закончившего тогда как раз аспирантуру в Гарварде), который перевела жена Деррида Маргерите также на основе английской рукописи.

² На полях страницы 160, предпоследней страницы в книге Жана Амери «По ту сторону преступления и наказания. Попытки преодоления преодоленного», Мюнхен, 1966, Целан пишет: «Родина, — и я? Я не был дома, даже когда я был на родине (дома)». P. Celan, *La bibliothèque philosophique*, Paris, Editions rue Ulm, 2004, 451, 459. Целан читал в этой книге эссе Жана Амери «Сколько родины нужно человеку» и фразу «Я уже больше не был Я, и больше не жил в Мы». Вопрос Целана мог бы также возникнуть благодаря его фразе «Родина — это страна детства и юности». Леонард Ольшнер — один из тех редких читателей, который проанализировал пометки Целана на полях книги Амери, он исходит из того, что стихотворение «Твой родной дом» 1968 года возникло под влиянием этой книги. L. Olschner, *Im Abgrund Zeit. Paul Celans Poetiksplitter*, Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 2007, 24–25. Стихотворение «Твой родной дом» начинается со строчки «В скольких домах». Возможно, что это замечание возникло уже вместе с двусмысленным словом «двудомный» (zweihäusig), которое несколько раз встречается в сборнике «Роза-никому».

³ В третьем протоколе речь могла бы идти о том, что упомянул Амери во второй части фразы «Я уже больше не был Я, и больше не жил в Мы». Слово родина включает в себя нечто более интимное, чем общность как таковая — существование «Мы» и принадлежность к этому «Мы». Это «мы» является фиктивной первой сущностью, которая, собственно говоря, подразумевает всякую будущую тематизацию слов «родина» и «потеря родины». Ибо родина, которая каждым членом общности понимается совершенно различным образом, становится абсолютно интегративным фактором для нас всех и делает нас в качестве членов общности ближе друг к другу и более равными по отношению друг к другу. Связаны мы между собой тогда и только тогда, когда каждый из нас принадлежит к своему Собственному, к своей родине, или каждый находится у себя дома. Ведь условие, состоящее в том, что все мы вместе, выполняется лишь тогда, когда каждый занимает ему принадлежащее место, свое истинное место, и относится к своему первоначальному «Мы». У кого нет родины, тот, парадоксальным образом, не является членом общности

и частью нас всех. И тот, у кого нет собственного «Мы», не существует, или скоро перестанет существовать.

⁴ Стихотворение «Heimkehr», написанное между 1955 и 1956 годом, переведено на русский язык под названием «Возвращение на родину». Целан П. Стихотворения. Проза. Письма. М.: Ad Marginem, 2008. С. 79.

⁵ Op. cit. С. 363.

⁶ Op. cit. С. 432–433.

⁷ Одна из главных причин, заставивших меня писать о Целане, который вполне осознанно называл Буковину своей родиной или говорил о ней как о стране своего спасения (но не считал ее Украиной, матерью, не ассоциировал ее со снегом и т. п.), — ту Буковину, где в 1930 году по точным подсчетам официально проживало 93 101 человек еврейского населения, а на 20 мая 1942 года их оставалось 17 033 (ср. E. Günzel, *Das wandernde Zitat. Paul Celan im jüdischen Kontext*, Würzburg, Königshausen & Neumann, 1995, 24), — связана с подчас поверхностным прочтением Целана «отцом» моей докторской диссертации Жаком Деррида (сегодня у меня есть ощущение, что и моя докторская диссертация, а также некоторые тексты, например, о К. Шмитте и В. Беньямине, были в определенной степени моими попытками исправить упущения моего ментора). В книге *Sovereignities in Question. The Poetics of Paul Celan* (речь идет о компендиуме его текстов, изданных по-французски) Деррида опрометчиво и без достаточного обоснования сводит интенцию (Engagement) Целана к «жуткому» Фрейда. Непонятным является то, по какой причине в семинаре «Le Bête et le souverain» (2002–2003), где он детально анализирует хайдеггеровское понятие «обходного пути» (Umweg) и философию, которая, собственно говоря, противопоставлена любому обходному пути, и не сопоставляет эту идею с окольным путем (Umweg) Целана или методом Беньямина, как обходным путем. Это упущение тем более фатально, что Деррида в свои последние годы на семинарах часто анализировал «Меридиан» Целана.

⁸ J. Hofer, *Dissertatio medica De Nostalgia, oder Heimwehe*, Basel, 1688, 8; englische Übersetzung von Carolyn Kiser Anspach, «Medical Dissertation on Nostalgia by Johannes Hofer, 1688», veröffentlicht in *Bulletin of the Institute of the History of Medicine*, n. 2, 1934, 376–391.

⁹ «Философия есть, собственно, ностальгия, тяга повсюду быть дома». Хайдеггер анализирует это изречение Новалиса во 2-ом параграфе, в начале зимнего семестра 1929 года. *Хайдеггер М. Основные понятия метафизики*. СПб., 2013. С. 28–31. «Ностальгия как фундаментальное настроение философствования и вопросы о мире, конечности, отъединенности». Целану этот семинар Хайдеггера был, конечно, неизвестен.

¹⁰ В «Меридиане» Целан определяет поэзию как нечто, находящееся «вне текста» (*hors texte*). «*Eh bien, me voici, et il le fallait bien, hors texte*».

¹¹ W. von Humboldt, «Brief an Charlotte vom 21. August 1827», *Briefe von Wilhelm von Humboldt an eine Freundin*, Teil 1, Leipzig, 1848, 322.

¹² M. Heidegger, «700 Jahre Meßkirch», *Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges 1910–1976*, GA 16, Frankfurt am Main, Vittorio Klostermann, 2000, 578.

¹³ Эту ситуацию Целан формулирует следующим образом: «*La circularité de ce mouvement sans retour*» («Цикличность этого движения без возвращения»). E. Levinas, «De l'être à l'autre», *Noms propres*, Paris, Fata Morgana, 1976, 64.

¹⁴ Целан П. Стихотворения. Проза. Письма. С. 363.

Есть несколько вариантов английского перевода («roundabout ways», «byway» и т. д.). Вот один из них: «*by what detours! But are there such things: detours?*». P. Celan, *Selected Poems and Prose of Paul Celan*, tr. J. Felstiner, Ny-London, W. W. Norton, 2001, 395. Jean Launay переводит похожим образом на французский язык: «*par quels détours! Mais est-ce que cela existe: des détours?*». P. Celan, *Le Méridien & autres proses*, Paris, Seuil, 2002, 55.

¹⁵ Целан П. Стихотворения. Проза. Письма. С. 432. John Felstiner переводит следующим образом: «*Then does one, in thinking of poems, does one walk such paths with poems? Are these paths only by-paths, bypaths from thou to thou?*». P. Celan, *Selected Poems and Prose of Paul Celan*, 412. Pierr Joris так: «*Are these routes only re-routings, detours from you to you?*». P. Celan, *The Meridian*, Stanford, Stanford University Press, 2011, 11. Jean Launay переводит следующим образом: «*Seraient-ce simplement des allers-retours, des chemins qui font un détour pour aller de toi à toi-même?*». P. Celan, *Le Méridien & autres proses*, 82. И только в русском переводе сохранены «окольные пути».

¹⁶ «Настоящая поэзия антибиографична. Родина поэта — его стихотворение; от стихотворения к стихотворению она меняется». Целан П. Стихотворения. Проза. Письма. С. 374.

¹⁷ Op. cit. С. 433.